

9(c)17
И-54

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.**

**MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG
VIIIe SÉRIE.**

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ II. № 1. Volume II. № 1.

ОТЧЕТЪ

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

Съ 2 картами.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 септября 1895 г.)

С.- ПЕТЕРБУРГЪ. 1897. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и Н. Л. Риннера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:
MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou et Varsovie,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglou à St.-Petersbourg et Kief,
G. Haessel (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 3 р. 80 к. 9 Mrk. 50 Pf.

БИБЛИОТКА 9126
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОВЫШЕННАЯ ШКОЛЬНИКАМЪ
РУССКОГО НАУЧНОГО РАБОТНИКОВЪ

И-54
ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ II. № 1.

Volume II. № 1.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

Съ 2 картами.

(Читано съ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1895 г.)

С.- ПЕТЕРБУРГЪ. 1897. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и Н. Л. Риннера
въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ
и Варшавѣ,
М. В. Ключина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou et
Varsovie,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 3 р. 80 к. — Prix: 9 Mrk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1897 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отчетъ о тридцати седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1895 г. Непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ	1— 24
I. Разборъ сочиненія А. М. Лазаревскаго: Описаніе старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій. Рецензія В. А. Мякотина	25—150
II. Разборъ сочиненія Ѳ. И. Леонтовича: Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. Рецензія академика К. Н. Бестужева-Рюмина	151—157
III. Разборъ сочиненія И. К. Миклашевскаго: Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в. Москва 1894 г. Рецензія Д. И. Багалѣя	159—230
IV. Разборъ сочиненія подъ девизомъ: «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Рецензія С. О. Долгова	231—259
V. Разборъ сочиненія г. Рункевича: Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 гг.), съ подробнымъ описаніемъ хода воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг. Рецензія экстра-ординарнаго проф. С.-Петербургской духовной академіи П. Н. Жуковича	261—269
VI. Разборъ сочиненія А. А. Дмитріева: Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпуски I—V. Рецензія С. А. Адрианова. (Съ 2 картами.)	271—332
VII. Разборъ сочиненія В. Теплова: Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. Рецензія П. Д. Погодина	333—459
VIII. Разборъ сочиненія академика А. М. Павлинова: 1. Исторія русской архитектуры. 2. Древности Ярославскія и Ростовскія. 3. Древніе храмы Витебска и Полоцка. 4. Деревянныя церкви г. Витебска. Рецензія Н. В. Султанова	461—518

ОТЧЕТЪ

о

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 25 СЕНТ. 1895 Г.

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій.

Согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена комиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и г.г. Академиковъ А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Куника.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, комиссія, для подробнаго разбора ихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку.

По полученіи отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя трудъ разсмотрѣнія переданныхъ имъ сочиненій, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства ихъ, комиссія положила присудить малыя Уваровскія преміи, по 500 руб. каждая, нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

І. Лазаревскій — „Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія“. Т. II, полкъ Нѣжинскій. Кіевъ, изд. 1893 г.

Для оцѣнки достоинства этого сочиненія Академія обратилась къ содѣйствию преподавателя Императорскаго Александровскаго лицея Венедикту Александровичу Мякотину.

Въ обширной рецензій, составляющей весьма цѣнное и, можно сказать, самостоятельное изслѣдованіе, рецензентъ прежде всего обращается къ указанію той тѣсной связи, въ которой стоитъ новый трудъ г. Лазаревскаго съ общимъ положеніемъ современной малорусской исторіографіи и въ частности съ прежними работами автора. „Указаніе этой связи, говоритъ В. А. Мякотинъ, думается, не будетъ здѣсь лишнимъ, такъ какъ оно поможетъ разобратъ въ особенностяхъ послѣдняго труда почтеннаго ученаго и найти правильную точку зрѣнія для его оцѣнки“.

Исторія гетманской или старой Малороссіи представляется еще весьма мало разработанной въ научной литературѣ. Наиболѣе выясненной стороною ея является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ; но едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатическихъ переговоровъ, въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія на ней, лишь недавно нашли себѣ перваго изслѣдователя въ лицѣ проф. Лучицкаго. Экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ едва затронутый въ литературѣ, равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины.

Самые источники для исторіи Малороссіи разбросаны невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва и Петербургъ явились хранителями архивныхъ богатствъ старой Малороссіи. Такая раздробленность главнѣйшихъ источниковъ должна была отразиться и на ходѣ ученыхъ работъ по исторіи Малороссіи, крайне за-

трудная разработку сколько нибудь широко поставленной темы. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изслѣдованію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ эпизодовъ, то причину такого явленія приходится искать въ условіяхъ пользованія источниками, ставящими изслѣдователя въ крайне затруднительное положеніе.

Въ ряду этихъ изслѣдователей А. М. Лазаревскому давно уже принадлежитъ одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ. Выступая на поприще научныхъ занятій, онъ сумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Уже въ первомъ своемъ большомъ и серьезномъ трудѣ „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ онъ выступилъ съ оригинальнымъ взглядомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Малороссіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. На мѣсто исторіи политики выдвигалась исторія внутренней жизни народа и, слѣдя за этой послѣдней, историкъ старался уловить въ ней главнымъ образомъ социальныя интересы.

„М. А. Лазаревскаго, говоритъ рецензентъ, можно назвать по преимуществу историкомъ двухъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а казацкая старшина — въ благородное дворянство. Но изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, онъ долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріаль для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, а въ результатъ своей долготѣтней дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи пріобрѣлъ справедливо заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ этой исторіи“.

Послѣдній трудъ почтеннаго историка является естественнымъ плодомъ всей предъидущей его дѣятельности. Относительно характера своего труда г. Лазаревскій говоритъ, что онъ составляетъ

попытку „соединить въ нѣчто цѣлое собранные въ продолженіе многихъ лѣтъ матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія Малороссіи“ отъ присоединенія ея къ русскому государству въ 1654 году до введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 году. Авторъ полагаетъ, что его книга даетъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій внѣшней исторіи. Сообразно съ этимъ и книга озаглавлена: „Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія“ и заключаетъ въ себѣ массу свѣжаго и разнообразнаго матеріала. Пользуясь и печатными источниками, г. Лазаревскій преимущественно, однако, основываетъ свое изложеніе на неизданныхъ матеріалахъ, извлекая изъ нихъ множество въ высшей степени важныхъ свѣдѣній. Въ книгѣ г. Лазаревскаго мы находимъ новыя данныя для внѣшней политической исторіи страны и свѣдѣнія, относящіяся до исторической географіи и особенно богатый матеріалъ сгруппированъ имъ по вопросамъ внутренней жизни Малороссіи, той жизни, которую самъ онъ противопоставляетъ событіямъ внѣшней исторіи.

„Въ виду общей задачи книги, говоритъ рецензентъ, и принятаго авторомъ плана этотъ матеріалъ излагается имъ въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но и при такой формѣ изложенія авторъ даетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ простое собраніе матеріаловъ. Онъ не только предпринимаетъ критическое обслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ составъ его разсказа, но и устанавливаетъ нѣкоторую связь между ними, намѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя общія черты въ рядѣ явленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, черты, придающія этимъ явленіямъ характеръ показателей опредѣленнаго историческаго процесса“.

Въ результатѣ знакомства съ фактами, которые даетъ книга Лазаревскаго, у читателя складывается опредѣленное представленіе о характерѣ администраціи, о развитіи землевладѣнія и сословныхъ группъ въ гетманской Малороссіи.

Переходя къ частностямъ разбора сочиненія г. Лазаревскаго, рецензентъ слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ и сводитъ содер-

жаніе разбираемой книги въ три крупныя рубрики: 1) Администрація, 2) Заселеніе и землевладѣніе и 3) Сословія. Разбирая каждый отдѣлъ подробно, указывая на нѣкоторыя неточности и дополняя факты нѣкоторыми новыми матеріалами, В. А. Мякотинъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію.

„Работа г. Лазаревскаго, говоритъ онъ, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. Исторія управленія и исторія высшихъ сословій лѣвобережной Малороссіи, составлявшихъ въ ней владѣльческой классъ, являются самыми блестящими, наиболѣе обработанными и наибольшимъ количествомъ фактовъ, представленными отдѣлами книги г. Лазаревскаго, но и для другихъ затронутыхъ имъ темъ, онъ собралъ въ своемъ трудѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній. При той широкой постановкѣ, какую придалъ авторъ своей работѣ, вполнѣ естественной является сравнительная неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ значительной степени такая неполнота объясняется неразработанностью спеціальной литературы и хаотическимъ состояніемъ источниковъ и врядъ-ли она можетъ быть обращена въ упрекъ автору.

„Мнѣ приходилось, далѣе, отмѣчать при разборѣ труда А. М. Лазаревскаго нѣкоторыя его слабыя стороны. Главной изъ нихъ я считаю недостаточное пользованіе автора генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, не позволившее ему описать формы держанія имѣній въ гетманской Малороссіи и ихъ исторіи съ той точностію и обстоятельностью, какія были бы въ данномъ случаѣ желательны. Но отмѣчая эту сторону въ работѣ автора, я долженъ оговориться, что въ данномъ вопросѣ остаются еще нѣкоторые не вполнѣ разъясненные пункты, мнѣнія своего по поводу которыхъ я не могу выдавать за безспорное, пока оно въ свою очередь не подвергнется обсужденію.

„Во всякомъ случаѣ недостатки книги блѣднѣютъ передъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, и критику остается только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ, долженствующій сильно подвинуть впередъ дѣло изслѣдованія пока еще во многихъ отношеніяхъ темной внутренней исторіи гетманщины. Въ виду этихъ крупныхъ достоинствъ своихъ, книга А. М. Лазаревскаго можетъ быть признана вполне заслуживающей преміи графа Уварова.

П. Ѡ. И. Леонтовичъ — „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства“. С.-Петербургъ 1894 года.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя нашъ сотоварищъ ординарный Академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Ѡ. И. Леонтовичъ пользуется давно и вполне заслуженной извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Еще въ 1863 году появились его статьи по Литовскому праву, длинный списокъ которыхъ помещенъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета Св. Владиміра“ и въ „Двадцатипятилѣтіи Императорскаго Новороссійскаго университета“.

Представленный на конкурсъ трудъ автора начинается съ изложенія образованія территоріи Литовскаго государства, обозначенія разныхъ составныхъ частей этой территоріи, указанія народностей ее населявшихъ и исторической судьбы составляющихъ ее частей. Характеръ своего изложенія авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы намѣрены въ настоящемъ очеркѣ свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ и по возможности провѣрить избранный вопросъ документальными данными, по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ послѣднее время“. Такіе своды необходимы для начинающихъ работниковъ.

закомарамъ» не было. Если старая крыша *сгорѣла* въ 1708, то она была *деревянная*; если же она была *деревянная*, то несомнѣнно *четырёхскатная*, ибо крышу съ яндовами изъ дерева *безъ течи* устроить крайне трудно.

4) Никакихъ основаній для своего предположенія о покрытіи по закомарамъ А. М. Павлиновъ не приводитъ, ибо самъ же утверждаетъ (стр. 7), что «чердакъ носить слѣды передѣлки и *не даетъ никакихъ другихъ данныхъ* для реставраціи первоначальной формы крыши» (кромѣ того, что она была *ниже*).

Всѣ эти соображенія и заставляютъ насъ предполагать, что реставрація А. М. Павлинова крыши «по закомарамъ» больше, чѣмъ гадательна.

Послѣ Толчковой церкви А. М. Павлиновъ переходитъ къ другому памятнику — къ церкви Іоанна Златоуста въ Коровникахъ.

Сообщивъ краткія имѣющіяся объ ней историческія данныя, онъ разсматриваетъ планъ и разрѣзъ и находитъ въ нихъ, и — прибавимъ — совершенно справедливо, большое сходство съ предыдущей.

Затѣмъ онъ обращается къ западному фасаду и подъ вліяніемъ предвзятой мысли, что первоначальное покрытіе было *непремѣнно по-сводное*, предполагаетъ, что онъ *передѣланъ*, но когда? — На это отвѣта у него нѣтъ. «Среднія лопатки, говоритъ онъ (стр. 10), плоскія: онѣ, очевидно, *позднія* и сдвинуты къ срединѣ для того, чтобы вверху можно было «сдѣлать три полукруга одинаковой вышины подъ общій горизонтальный карнизъ. Вотъ почему среднія лопатки *въѣхали* въ наличники оконъ. *Первоначальный фасадъ, очевидно, былъ другой*; прежде, чѣмъ говорить объ «немъ, необходимо замѣтить, что внутренняя конструкція храма дѣлитъ «все зданіе на три неравныхъ части: середина шире боковъ и вовсе не соотвѣтствуетъ дѣленію фасада. При такомъ размѣщеніи тягъ крыша по полукругамъ становится невозможной, потому что линіи полукруговъ не «сойдутся съ линіями сводовъ церкви. Для возстановленія фасада слѣдуетъ «среднія лопатки передвинуть на средину оконныхъ промежутковъ, тогда «наружное дѣленіе фасада будетъ соотвѣтствовать внутреннему, — среднее «дѣленіе будетъ больше боковыхъ. Если сдѣлать покрытіе по тремъ закомарамъ, то явится возможность открыть нижнія части главъ и обнаружить «скрытыя подъ существующей нынѣ крышей украшенія въ видѣ кокошниковъ» (стр. 11)¹⁾.

Вся высказанная здѣсь гипотеза основана на одномъ словѣ: «очевидно». Это же послѣднее основаніе, т. е. «очевидность», явилась подъ вліяніемъ того *непремѣннаго* условія, что во время *первоначальной* по-

1) Если все сказанное справедливо, то придется сдѣлать то же самое съ Толчковой церковью. Однако-же А. М. Павлиновъ дѣлать этого не рѣшается.

стройки храмъ долженъ быть крытъ по закомарамъ, соответствующимъ сводамъ.

Посмотримъ теперь, что мы имѣемъ за это предположеніе и что *противъ* него.

Во-первыхъ, на фасадѣ церкви Михаила Архангела въ Ярославлѣ мы видимъ шесть древнихъ маленькихъ закомаръ и одну икону, выравненныхъ подъ одинъ общій уровень въ видѣ стѣнки; слѣдовательно первоначальность *четырёхскатнаго* покрытія здѣсь *несомнѣнна*.

Во-вторыхъ, Петропавловская церковь на Волжскомъ берегу ни лопатокъ, ни закомаръ не имѣетъ и оканчивается горизонтальнымъ карнизомъ, слѣдовательно *четырёхскатная* сторона первоначальной крыши здѣсь также *несомнѣнна*.

Въ третьихъ, церковь Спасо-Яковлевскаго монастыря заканчивается не закомарами, а мелкою аркатурою, значитъ опять объ иной крышѣ, кромѣ *четырёхскатной*, рѣчи быть не можетъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, въ «прибрежной» церкви на Волгѣ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ архивольты закомаръ помѣщаются *подъ* горизонтальнымъ карнизомъ *первоначальной* крыши и превращаются исключительно въ декоративный мотивъ, будучи *парными* на боковыхъ фасадахъ.

Итакъ, мы имѣемъ очень вѣскія доказательства того, что храмы XVII вѣка *первоначально* далеко не всегда имѣли посводное покрытіе.

Далѣе, чтобы доказать *позднѣйшее* происхожденіе трехъ арокъ на фасадѣ церкви въ Коровникахъ, надо удостовѣриться, во-первыхъ, что матеріаль иной и что кладка другая. Между тѣмъ А. М. Павлиновъ этого не сдѣлалъ, иначе онъ сослался бы и на то, и на другое, чего мы у него не видимъ.

Если это была только перелицовка фасада, то *безслѣдно* этого сдѣлать нельзя; если же стѣны выведены вновь, начиная съ пять оконныхъ арокъ, то безъ сломки сводовъ это неисполнимо; своды же А. М. Павлиновъ не считаетъ *позднѣйшими*, иначе онъ на это указалъ бы.

Пойдемъ далѣе. Если на западномъ фасадѣ, передвинувъ лопатки, можно будетъ получить еще какъ-нибудь закомары болѣе или менѣе обыкновеннаго вида, то что-же будетъ на боковыхъ фасадахъ?

Средняя закомара будетъ имѣть *четыре сажени* длины и *одну* высоты. Мы смѣемъ думать, что во всемъ русскомъ зодчествѣ ни одной такой закомары найти нельзя, а потому и всѣ предположенія А. М. Павлинова о томъ, что «лопатки позднія» и что онѣ «сдвинуты», не имѣютъ основанія. Не проще ли предположить, что мастера, доведя церковь до пять оконныхъ перемычекъ, и сообразивъ, что надо *украсить* верхъ церкви традиціонными закомарами, заложили на равныхъ разстояніяхъ лопатки одно-

временно съ оконными арками¹⁾ и вывели на нихъ архивольты закомаръ, а когда эти послѣднія не сошлись у нихъ со сводами, они избрали простѣйшее рѣшеніе: подогнали стѣнку подъ одинъ уровень, покрыли четырехскатной крышей — и дѣлу конецъ!

Вѣдь памятниковъ зодчества, построенныхъ такимъ образомъ, разсѣяно по Россіи цѣлыя сотни, и всякій, кто обмѣрять ихъ, знаетъ это. Очень часто, особенно въ XVII вѣкѣ, наши мастера дѣлали не такъ, какъ предварительно было предположено, а такъ, «какъ выйдетъ». Привести этому можно тысячи доказательствъ.

Покончивъ съ крышей, А. М. Павлиновъ обращается къ самому храму и приходитъ къ довольно неожиданнымъ выводамъ. По его мнѣнію, галерея, придѣлы и крыльцо XVIII вѣка. Подобнаго вывода мы, признаться сказать, ожидали меньше всего, ибо считали и *продолжаемъ считать* эти формы *типичнѣйшими* формами XVII вѣка.

Посмотримъ, на чемъ же онъ основываетъ свое предположеніе?

«Изображеніе церкви Іоанна Златоуста находится также на гравюрѣ города Ярославля» (1731 года), говоритъ онъ (стр. 11), и приводитъ этотъ рисунокъ (№ 8). «Тамъ этотъ храмъ, продолжаетъ онъ, представленъ пятиглавымъ, но безъ галереи и придѣловъ; только небольшіе фронтонные входы приставлены къ самымъ стѣнамъ храма. *Намъ кажется, что первоначально этотъ храмъ былъ именно такимъ*».

Итакъ, основа предположенія г-на Павлинова — рисунокъ 1731 г. Разберемъ же «достоверность» этой основы.

Прежде всего замѣтимъ, что рисунокъ этотъ, крайне неумѣлый и грубый, отчасти напоминаетъ собою наше «палатное» письмо, т. е. изображеніе зданій на иконахъ, и въ особенности на иконахъ XVIII вѣка. Слѣдовательно въ немъ нечего искать ни перспективы, ни правильной передачи архитектурныхъ формъ. А потому ссылаться на него въ этомъ отношеніи нѣсколько рискованно.

Мы можемъ привести даже одно чрезвычайно яркое доказательство его неправильности.

На церковной землѣ въ Коровникахъ стоятъ почти рядомъ два храма, алтарныя части которыхъ соединены каменнымъ заборомъ съ воротами²⁾, такъ что съ востока они расположены на одной линіи.

Изъ нихъ сѣверный, разсматриваемый А. М. Павлиновымъ, холодный храмъ Іоанна Златоуста; южный, теплый — Владимірской Божіей Матери.

1) Чѣмъ и объясняетъ ихъ прекрасное соединеніе въ смыслѣ кладки.

2) См. фотографію Борщевскаго, № 18.

Между ними съ западной стороны, нѣсколько выступая впередъ, стоитъ превосходная шатровая колокольня.

Относительное расположеніе храмовъ и колокольни можно обрисовать для большей ясности еще такъ: если мы представимъ себѣ треугольникъ, то въ углахъ его, прилегающихъ къ основанію, будутъ находиться алтари храмовъ, а въ вершинѣ — колокольня.

Изъ этого расположенія ясно, что если смотрѣть на юго-восточный уголъ церкви Іоанна Златоуста, которымъ она обращена къ зрителю на рисункѣ 1731 года, приводимомъ А. М. Павлиновымъ, то колокольня придется непременно *слѣва*, между тѣмъ какъ она показана на рисункѣ *справа*. Если же смотрѣть при тѣхъ условіяхъ на южный храмъ Владимірской Божіей Матери, отъ котораго колокольня отставлена въ сѣверо-западномъ направленіи, то она дѣйствительно можетъ быть видима *справа*. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или рисунокъ совершенно *невырѣнъ*, или же на немъ изображенъ храмъ не Іоанна Златоуста, а какой-нибудь другой. А значитъ, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ на основаніи этого рисунка объ церкви Іоанна Златоуста *спранныхъ выводовъ сдѣлать нельзя*.

Что же касается до разныхъ соображеній А. М. Павлинова (стр. 12), что части этого храма разновременной постройки, потому что одни взяты съ камня (средняя масса), а другія съ дерева (придѣлы и галлерей), то они сами собою падаютъ, принимая во вниманіе, что такихъ храмовъ (за исключеніемъ «шатровыхъ») мы знаемъ не мало въ московскомъ зодствѣ. Почему же нельзя допустить въ Ярославлѣ того, что возможно въ Москвѣ?

По разсмотрѣніи этихъ двухъ храмовъ, А. М. Павлиновъ дѣлаетъ бѣглый очеркъ церквей Ильинской, храмовъ Николо-Мокринскаго¹⁾ погоста и ярославскихъ колоколенъ, при чемъ, къ сожалѣнію, не разсматриваетъ Коровницкой колокольни, которая своею архитектурою обращаетъ на себя вниманіе Віолле-ле-Дюка, видѣвшаго въ ней «очень явный *индѣйскій* характеръ»²⁾. Съ подобными отзывами А. М. Павлинову слѣдовало бы сочтаться и доказать всю ихъ нелѣпость.

Покончивъ съ этими церквями, А. М. Павлиновъ дѣлаетъ краткіе выводы и перечисляетъ слѣдующія особенности ярославскихъ церквей:

- 1) Шатровыя покрытія придѣловъ.
- 2) Входы съ высокими щипцами и высокой двускатной крышей.
- 3) Громадное количество изразчатыхъ украшеній.

Особенности эти дѣйствительно въ другихъ мѣстахъ Россіи не встрѣчаются.

1) По мѣстному произношенію.

2) См. его «L'art russe», page 131.

Оставляя въ сторонѣ «деревянное зодчество», чтобы рассмотреть его вмѣстѣ съ ростовскимъ, перейдемъ теперь къ древностямъ Ростова-Великаго.

Первый храмъ, который разсматриваетъ А. М. Павлиновъ — церковь Иоанна Богослова, поставленная между двухъ башенъ, на стѣнѣ.

Это положеніе церкви даетъ поводъ А. М. Павлинову высказать слѣдующія соображенія:

«Ростовскія церкви, говоритъ онъ (стр. 23), находятся въ близкой связи съ военными сооруженіями. Эта связь рождаетъ особую комбинацію массъ. Всѣ церкви такого типа обыкновенно находятся во 2-мъ этажѣ и чаще всего стоятъ на воротахъ».

На это замѣтимъ, во-первыхъ, что церквей такого устройства (кромѣ боковыхъ башенъ) имѣется множество во всей Россіи, въ любомъ большомъ монастырѣ со стѣною, слѣдовательно тутъ нѣтъ никакой близкой связи съ военными сооруженіями, а во-вторыхъ, что въ самомъ Ростовѣ такихъ церквей всего двѣ, а десятки прочихъ ничего подобнаго не представляютъ собою. Слѣдовательно, если и можно указать на что-либо, какъ на особенность, то только на то обстоятельство, что по бокамъ церкви стоятъ башни. Да и это обстоятельство чисто случайное: ворота въ средневѣковой, крѣпостной архитектурѣ защищались обыкновенно башнями, которыя ставились или *прямо* надъ воротами (одна) или *по бокамъ* ихъ (двѣ). У насъ предпочитался обыкновенно первый пріемъ, какъ это мы видимъ на множествѣ примѣровъ. Въ Ростовскомъ же Кремлѣ, который по своему позднему происхожденію представлялъ скорѣе ограду, нежели крѣпость, и потому отличается *малыми* размѣрами своихъ частей, проѣздныхъ воротъ въ башнѣ нельзя было устроить, а потому нужно было сдѣлать двѣ башни. Церковь же, построенная потомъ «надъ воротами», пришлась между ними. Вотъ и вся связь съ «военными» сооруженіями.

Послѣ этого А. М. Павлиновъ даетъ описаніе плана фасада и внутренняго устройства и указываетъ на покрытіе «сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя распалубками къ серединамъ стѣнъ» (стр. 25) какъ на «ростовскую» особенность, хотя — замѣтимъ мы — особенность эта встрѣчается и въ Москвѣ, напр. въ церкви Трифона Кречетника.

Переходя къ покрытію, онъ, конечно, стремится доказать (стр. 26), что оно было по законамъ. На это можно возразить, что при покрытіи по законамъ *чердака быть не можетъ*. А древняя лѣстница, устроенная въ стѣнѣ, ведетъ по его же собственнымъ словамъ *на чердакъ*. Спрашивается, зачѣмъ же было дѣлать лѣстницы на чердакъ, когда его самого не было? А лѣстницу ведущую на *крышу* врядъ ли можно указать въ древнемъ русскомъ зодствѣ.

Кромѣ того, если на разрѣзѣ чердака, приводимаго А. М. Павлиновымъ (рис. 16), провести прямую линію отъ верхушки закомаръ къ нижнему поясу средней главы, то получится крыша весьма приличнаго уклона. Слѣдовательно вопросъ о покрытіи надо пока оставить *открытымъ*.

Что же касается до предположенія его, что *вторыя* арки подведены въ пролетахъ воротъ впоследствии (стр. 27), то оно основанія не имѣетъ, ибо движеніе, происшедшее въ лѣвомъ пролетѣ (черт. 18), имѣетъ въ *натурѣ* всѣ признаки *одновременности*, какъ въ верхней, такъ и въ нижней аркѣ.

Послѣ Богословской церкви А. М. Павлиновъ даетъ бѣглое описаніе (около *одной* страницы) другой подобной-же церкви — Воскресенья, при чемъ отмѣчаетъ особое устройство главы и подраздѣленіе свода подпирующими арками стѣнъ, опирающимися на парныя, очень вытянутыя колонки.

Приемъ этотъ дѣйствительно нигдѣ больше не встрѣчается.

По поводу ростовскихъ надвратныхъ церквей, А. М. Павлиновъ упоминаетъ вскользь объ совершенно однородныхъ церквахъ Св. Сергія и Срѣтенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Определеніе эпохъ постройки, сдѣланное имъ по деталямъ, совершенно правильно, но нельзя не пожалѣть объ той исключительной краткости замѣчаній объ этихъ памятникахъ (*шестнадцать* строчекъ), которую мы видимъ у А. М. Павлинова. Памятники такой красоты и значенія несомнѣнно заслуживаютъ гораздо большаго вниманія. Интереснѣйшій памятникъ Ростовскаго Кремля, церковь Спаса на Сѣняхъ, изслѣдованъ А. М. Павлиновымъ также довольно поверхностно (всего одна страница съ четвертью — 32—33-я). Онъ, напр., не пытается даже объяснить необычайную пятипролетную аркаду, возвышающуюся на солеѣ и соединенную перекидными арками съ восточной стѣной храма, оставляя этотъ вопросъ не только *открытымъ*, но даже и *не затронутымъ*.

Относительно покрытія онъ ссылается на г. Сулова и думаетъ вслѣдъ за нимъ, что покрытіе было *трехлопастное*.

Не отрицая того, что существующая четырехскатная крыша дѣйствительно новая, мы на основаніи личнаго изслѣдованія чердака, на которомъ сохранились слѣды гнѣздъ отъ старыхъ деревянныхъ стропиль, полагаемъ, что покрытіе было щипцовое, восьмискатное, совершенно подобное тому, какое мы видимъ на церкви Св. Исидора въ томъ же Ростовѣ Великомъ.

Послѣднимъ ростовскимъ каменнымъ храмомъ, разсматриваемымъ А. М. Павлиновымъ, является городской соборъ.

Г-нъ Павлиновъ на основаніи свидѣтельства лѣтописи полагаетъ (стр. 34), что древній соборъ XII вѣка разрушился весь отъ пожара, что нынѣшній вновь построенъ въ XV в. и сильно передѣланъ въ XVII в.

Относительно сильной передѣлки въ XVII в. А. М. Павлиновъ, въ видимому, правъ. Что же касается до того, что нынѣшній постройка XV в. весь вновь, то этому обстоятельству противорѣчитъ открытіе Леонтьевского придѣла, и, кромѣ того, то соображеніе, что отъ пожара весь древній соборъ не могъ развалиться; нижнія части должны были сохраниться. Рѣшить этотъ вопросъ можно только съ помощью отбитія внутренней и наружной штукатурки и раскопки фундамента. Но такъ какъ А. М. Павлиновъ такихъ работъ не производилъ, то вопросъ этотъ надо пока оставить *открытымъ*.

Большая часть выводовъ А. М. Павлинова по поводу ростовскихъ церквей (объ ихъ связи съ «военной архитектурой», объ покрытіи по законамъ и т. д.) уже была нами указана. Въ заключеніе надо упомянуть еще на его указаніе позднѣйшей надкладки шей церковныхъ главъ.

Указаніе это совершенно вѣрно, ибо новая надкладка ихъ замѣтна съ перваго же взгляда (табл. XIX).

II.

Въ отдѣлѣ «деревяннаго зодчества» А. М. Павлиновъ разсматриваетъ тѣ произведенія рѣзного и столярнаго дѣла, которыя сохранились въ нѣкоторыхъ церквахъ Ярославской губерніи, т. е. царскія врата, надпредстольныя сѣни и царскія и патриаршія мѣста. Большинство изъ нихъ онъ даетъ въ снимкахъ г-на Борщевскаго, а *три* — въ собственныхъ обмѣрахъ.

Разсматривая произведенія ярославскаго рѣзного дѣла, А. М. Павлиновъ совершенно справедливо отмѣчаетъ ихъ общій характеръ и слѣды западнаго вліянія. Дѣйствительно вліяніе порталовъ Благовѣщенскаго собора на общую отдѣлку царскихъ вратъ древнихъ церквей верхняго Поволжья несомнѣнно. Остается пожалѣть только, что А. М. Павлиновъ не повелъ дальше этого анализа и не разобрался совсѣмъ въ орнаментѣ; а слѣдовало бы указать, *что* въ немъ русское и *что* итальянское, и *что*, наконецъ, представляетъ собою русскую передѣлку итальянскаго стиля. Не нужно было также ограничиваться указаніемъ на одинъ очень странный мотивъ, который мы увидимъ на нѣкоторыхъ вратахъ: руки, поддерживающія коруну (таб. IX и XI), тѣмъ болѣе, что мотивъ этотъ не разъясненъ вовсе въ *нашей* археологической литературѣ, — нужно было или объяснить его или поставить вопросъ. Указывать же можно только на вещи, давно уже объясненныя или заурядныя. Что же касается до «сѣней» и «царскихъ мѣстъ», то появленіе ихъ и происхожденіе не объяснены у А. М. Павлинова.

Онъ правъ, говоря, что «центръ этого рѣзного производства пока указать трудно», но не правъ въ томъ отношеніи, что онъ не указываетъ

Кромѣ того, ~~сдѣн~~ сдѣній съ Москвою; а связь эта несомнѣнна, ибо эти вымѣ (рѣзъ) и «сидѣн» ведутъ оттуда свое начало и родоначальникомъ ихъ является не такъ называемый «Мономаховъ тронъ» или рѣзное царское мѣсто XVI в. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Доказательствомъ этого служить, во 1-хъ, древнѣйшая изъ Ярославскихъ «сѣней» — Николо-Надѣинская (временъ царя Михаила Ѳедровича), шатеръ которой очень похожъ на шатеръ «Мономахова» трона; а во 2-хъ, тѣ «мѣста» XVI вѣка, которыя мы видимъ въ Софіи Новгородской¹⁾, и которыя появились въ Новгородѣ ужь конечно не подъ вліяніемъ Ярославля. Все это надо бы выяснить.

Въ томъ же отдѣлѣ ростовской архитектуры А. М. Павлиновъ разсматриваетъ врата Вознесенской церкви (таб. XXIV) и церкви на Ишнѣ (Ишнѣ?) (таб. XIII).

Виолле-ле-Дюкъ также разсматривалъ тѣ и другія и нашелъ въ первыхъ слѣды «индѣйскаго» вліянія, а во вторыхъ — «персидскаго». Но А. М. Павлиновъ вопросъ «о вліяніяхъ» оставляетъ въ сторонѣ, съ Виолле-ле-Дюкомъ не считается и приводитъ миниатюры XIV вѣка для доказательства, что эти ворота «древнѣе» ярославскихъ. Въ этомъ, впрочемъ, никто не сомнѣвался, ибо, во 1-хъ, покойный Даль уже давно доказалъ, что восточное вліяніе въ нашей *орнаментикѣ* предшествовало итальянскому; а во 2-хъ, на вратахъ церкви на Ишнѣ сохранилась надпись съ датой, которая почему-то не обратила на себя вниманіе А. М. Павлинова.

Что же касается до его заключенія, что царскія «врата» были сперва царскими *дверями*, т. е. створами въ невысокой стѣнкѣ, то стоило ему посмотреть такой рисунокъ въ сочиненіи Ленуара для убѣжденія въ томъ, что это давно уже извѣстно въ европейской наукѣ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы можемъ сдѣлать теперь слѣдующіе выводы объ этомъ очеркѣ А. М. Павлинова:

- 1) Онъ представляетъ собою первую попытку архитектурно-археологическою обслѣдованія ростовско-ярославской архитектуры.
- 2) Языкъ, сравнительно съ исторіей гораздо лучше, хотя и встрѣчаются шероховатости въ родѣ царскихъ «сидѣній».
- 3) Изслѣдованія памятниковъ отличаются большею частью краткостью, отчего многіе вопросы остались невыясненными.
- 4) Предлагаемыя реставраціи не всегда достаточно обоснованы.

1) Копіи въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

5) Прилагаемые рисунки хороши и
няють текстъ.

И, наконецъ, 6) большинство выводовъ по характеристикѣ м
архитектуры вѣрно.

3. „Древніе храмы Витебска и Полоцка“.

А. М. Павлинова.

4. Его-же. „Деревянные церкви г. Витебска“.

Эти замѣтки А. М. Павлинова являются одною изъ первыхъ попытокъ архитектурнаго обслѣдованія храмовъ древняго Полоцкого княжества.

Сообщивъ разныя историческія данныя, заимствованныя изъ «Витебской Старины» Сапунова, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію церкви Благовѣщенія въ Витебскѣ, относимой или ко временамъ Св. Ольги, или ко временамъ Ольгерда. Древняго въ ней немного: своды, куполь, алтарная прѣстрада, колокольня и западная пристройка — новыя. Остаются лишь стѣны, древній планъ чисто византійскаго характера, да части древней кладки, по тожеству которой съ кладкой Софіи Новгородской А. М. Павлиновъ относитъ этотъ Витебскій храмъ къ XI вѣку.

Второй памятникъ, разсматриваемый А. М. Павлиновымъ — Полоцкій Софійскій соборъ. Онъ передѣланъ настолько, что отъ первоначальной постройки остался одинъ восточный выступъ, который по характеру кладки можетъ быть отнесенъ къ XI—XII вв. На немъ еще сохранилась наружная отдѣлка (рис. 8), какою мы видимъ на древнихъ кievскихъ церквахъ.

Кромѣ этихъ двухъ памятниковъ церковной старины, является весьма любопытнымъ еще третій — храмъ Спасо-Евфросиніевскаго монастыря, основанный въ XII вѣкѣ преподобной Евфросиніей, въ мiрѣ княжной Предславой Святославновой Полоцкой.

Храмъ этотъ, за исключеніемъ новыхъ верхнихъ частей, сохранился довольно хорошо. Планъ его очень похожъ на планъ витебской Благовѣщенской церкви. Внутреннее расположеніе имѣетъ ту особенность, что на хорахъ съ западной стороны мы видимъ двѣ келейки: одну основательницы преподобной Евфросиніи, другую — ея сестры Евдокии.

Фасадъ не утратилъ еще слѣдовъ древности, но приложенный рисунокъ крайне блѣденъ и даетъ объ немъ очень слабое представленіе. По мнѣнію г-на Павлинова, такія витебскія и полоцкія церкви относятся къ кievскому періоду нашего зодчества, но однѣ изъ нихъ ближе къ кievскимъ церквамъ, другія — къ новгородскимъ, откуда онъ заключаетъ, что Витебскъ былъ «Колоніей новгородцевъ» (стр. 17).

Кромѣ того глиновымъ три витебскія деревянныя
 вымѣ (второй половины XVII вѣка). Всѣ онѣ въ планѣ
 крестъ, концы котораго, за исключеніемъ западнаго, ограничены
 олувосьми-угольникомъ.

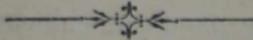
Съ запада расположены глухія паперти. Фасады очень некрасивые
 съ многогранными луковичными главами поздняго характера. Такъ что ни
 съ исторической, ни съ художественной стороны церкви эти любопытнаго
 ничего не представляютъ.

Довольно интересными являются, впрочемъ, царскія двери въ Мар-
 ковомъ монастырѣ (таб. VI), сооруженныя вмѣстѣ съ храмомъ въ концѣ
 XVII вѣка полякомъ-католикомъ, княземъ Симеономъ Карломъ Огинскимъ.
 На нихъ вмѣсто Благовѣщенія надписи, вмѣсто Евангелистовъ-символы.
 Стилъ — Барокко.

Выводы, которые г-нъ Павлиновъ дѣлаетъ на основаніи этихъ церк-
 вей, тѣ же, что онъ сдѣлалъ въ своей «Исторіи русской архитектуры»;
 здѣсь они только повторены. Такимъ образомъ эта послѣдняя статья даетъ
 мало новаго въ смыслѣ выводовъ, но много новаго въ смыслѣ матеріала.

Резюмируя теперь все вышесказанное по поводу первой статьи, мы
 приходимъ къ тому заключенію, что, хотя рассматриваемые въ ней памят-
 ники мало интересны по своей крайней искаженности, тѣмъ не менѣе она
 даетъ «нѣчто» въ смыслѣ историческаго матеріала, ибо указываетъ на
 распространеніе византійскаго церковнаго стилиа на *сѣверо-западъ* Россіи.

Вторая же устанавливаетъ существованіе *тамъ-же* деревянныхъ
 церквей крестоваго плана.

Кромѣ того ^{всѣмъ изъ} глиновымъ три витебскія деревянныя
 вымъ (второй половины XVII вѣка). Всѣ онѣ въ цѣ
 бь крестъ, концы котораго, за исключеніемъ западнаго, огр
 гакъ
 олувосьми-угольникомъ.

Съ запада расположены глухія паперти. Фасады оц
 съ многогранными луковичными главами поздняго харак
 съ исторической, ни съ художественной стороны цер
 ничего не представляютъ.

Довольно интересными являются, впрое
 ковомъ монастырѣ (таб. VI), сооруже
 XVII вѣка полякомъ-католикомъ, и
 На нихъ вмѣсто Благовѣщені
 Стилъ — Барокко.

Выводы, которые г-н
 вей, тѣ же, что онѣ
 здѣсь они только
 мало новаго

Г-н

приходимъ к
 ники мало р
 даетъ «н
 распро
 церкв